

Кто-то говорил, что тут наверняка добавлено какое-то дурманящее зелье, вредное для людей. Но когда мастер показал ингредиенты, оказалось, что это всего лишь цветы, травы и ароматные специи. Просто рука у этого парфюмера была настолько искусной, что даже из самых обычных материалов он мог создать аромат, разъедающий кости и сводящий с ума.

А этим парфюмером был младший сын семьи Се, которого звали Се Фусян.

Все знали, что младший сын семьи Се обладал непревзойдённым мастерством в искусстве составления благовоний, его даже называли лучшим в мире. Но с детства он был слаб здоровьем, постоянно лежал в постели, и семья редко выводила его в люди. А после того как ему исполнилось шестнадцать, этого мастера парфюмерии и вовсе больше никто не видел...

Прошёл год, и семья Се прославилась благодаря «Аромату, разъедающему кости», постепенно обзаведясь тысячами му плодородных земель и богатством.

— Ой-ой, мой муж, что в лавке служит, говорит, в этом году наш молодой господин опять новый аромат создал, обязательно первое место завоюет.

— Эх, даже если так, какое это до нас отношение имеет? Я только молюсь, чтобы господин был доволен да поблажки с арендой сделал, вот тогда спасибо небесам скажу.

Люди оживлённо обсуждали это, как издалека подошёл смуглый юноша. Он вытер грязный пот с лица и обратился к лентяю, сидевшему на земле и болтавшему:

— Дядя, зерно уже посеяно. Западное поле тоже вспахано. Дайте расчёт, а то мне лекарство для матушки купить надо.

Этого юношу по большому имени звали Хуан Вэнь, но деревенские редко звали по имени, называли его просто А-Гоу.

Дядя этого А-Гоу был работником на землях семьи Се, обычно только лодырничал да бездельничал, на работу ходить не хотел. Вот и привёл своего пятнадцати-шестнадцатилетнего племянника, чтобы тот за него работал, давал ему немного денег — и на том дело кончалось. Управляющий, видя это, ничего не говорил.

Дядя лениво глянул на поле, да и снова к болтовне вернулся. Небрежно махнул рукой, вытащил две медяка, сунул ему и больше внимания не уделил.

А-Гоу и не обиделся, взял деньги и пошёл. Вслед ему едва долетели пересуды:

— Ой, племянник-то за тебя целый день пашет, а ты ему два медяка отвалил — и всё?

— Эх, он и так счастлив. Работающий парень, да ещё и мать при смерти дома. Два медяка — это я ему честь оказал. А то в его годы кто его на поле возьмёт? А он, я тебе скажу, прямо как вол — работает здорово.

Не успел он далеко от поля отойти, как управляющий, запыхавшись, подбежал:

— Погоди-ка. Вижу, силач ты знатный, как раз люди нужны. Пойдёшь со мной, кое-что в усадьбу перевезти.

А-Гоу нахмурил густые брови, отвернулся:

— Дядя управляющий, мне лекарство для матушки покупать надо.

Управляющий пристально на него поглядел:

— За рейс — десять медяков. Идёшь?

Нежданный доход, деньги на лекарство для матери... Подумав об этом, А-Гоу стиснул зубы и согласился:

— Ладно.

Так и пошёл он с управляющим и другими работниками, повёл мулов да лошадей, навьюченных поклажей, и неспешно добрались до усадьбы Се.

Даже задние ворота для слуг были раз в десять больше, чем парадные ворота в их доме!

Не говоря уже о оживлённой суете в саду. Даже на крохотной кухне — народу тьма, уборщицы, служанки, слуги — глаза разбегались.

Какая-то служанка лет тринадцати-четырнадцати, увидев, как деревенские парни остолбенели и рот разинули, не сдержала тихого смешка. А некоторые посмелее так и вовсе поближе подошли. Парни, где уж им таких нежных созданий видеть, тут же покраснели, а самые несдержанные так, гляди, и штаны намочат.

Управляющий про себя счел это позором, но, оглядев всех работников, заметил, что лишь у А-Гоу взгляд устремлён в землю, ни слова лишнего, ни взгляда на сторону — вид степенный. Вспомнил он и про его больную мать в постели, рано умершего отца, малых братьев и сестёр — и в сердце шевельнулась жалость. Подозвал его:

— Возьми-ка этот ларец с мехом белой лисицы, отнеси в швейную. Я тебе ещё десять медяков

поверх дам. Выйдешь за ворота, второй поворот налево — первый двор. Смотри, не забредёшь куда не надо, не потревожь знатных господ.

Услышав, что можно лишних медяков получить, А-Гоу закивал, осторожно взял ларец и пошёл, оставив управляющего вздыхать о несправедливости судьбы.

Но усадьба Се была огромной, даже задний двор занимал сотни му. А-Гоу, хоть и помнил наставления управляющего, всё равно в этом лабиринте дворов сбился с пути и не знал, куда идти.

В досаде он случайно заметил позади и сбоку небольшой дворик, откуда доносились звуки. Обрадовавшись, А-Гоу на цыпочках подошёл, рассчитывая кого-нибудь спросить. Но чем ближе он подходил, тем сильнее ощущался густой аромат.

За все свои недолгие годы жизни он никогда не нюхал такого дивного запаха. То ли цветочный, то ли нет, то ли благовоние, то ли нет, едва уловимый, так и щекотал душу.

Он уже начал теряться в этом аромате, как вдруг изнутри раздался окрик:

— Кто там?

А-Гоу вздрогнул, лицо мгновенно залилось краской, он засуетился, сложил руки в приветствии и принялся извиняться:

— Виноват, потревожил знатного господина, виноват.

Тот внутри, кажется, немного растерялся, но заинтересовался:

— Ты... кто ты?

А-Гоу услышал мягкий, нежный голос, каждое слово звучало певуче и приятно, отчего его сердце немного успокоилось, и он ответил:

— Я... я с полей, заблудился. Не скажет ли господин, где швейная мастерская?

— Швейная мастерская? — Тот задумался, потом вздохнул. — Я и сам не знаю, где она...

Странно это звучало. Живущий здесь человек, даже в такой огромной усадьбе, не должен не знать, где что находится. А-Гоу решил, что знатный господин, видимо, не хочет с ним разговаривать, и, приуныв, уже собрался уходить.

Но вдруг тот остановил его:

— Погоди!

А-Гоу не понимал, в чём дело, и услышал:

— Ты... можешь войти, посмотреть на меня?

В голосе звучала и грусть, и обида, сквозила какая-то безнадежность. А-Гоу, сам не знаю почему, хоть и удивился, но сердцем отозвался, согласился и медленно приблизился.

Увидел, что окна и двери восточного флигеля наглухо закрыты, и не откроешь. Оглядевшись, заметил в углу небольшую щель. Подошёл, заглянул в неё и увидел клубящийся белый дым, словно в заоблачном саду бессмертных. Только он успел поразиться, как проступило белое, обнажённое тело, с яшмовыми костями и снежной кожей, с упругими, соблазнительными бёдрами и двумя нежными длинными ногами, беззащитно выставленными напоказ. Даже только со спины вид был сводящим с ума.

Тот медленно повернулся. А-Гоу аж дух захватило. За всю свою жизнь, хоть бы проживи он вечность, он не видел такого прекрасного юноши. Его красота и стать были таковы, что хоть сейчас описывай в романах как идеал. Только слишком уж он был белым, выглядел очень худым и хрупким.

А-Гоу сглотнул, прикрыл ширинку и покраснел, чёрное лицо его залилось краской. Ругал себя в душе: раньше мимо проходили такие нежные девушки — и ничего, а сейчас, увидел человека, пусть и красивого, но ведь мужчину, да ещё и голого, а у самого уже встаёт, так и норовит с ним поздороваться.

Юноша в комнате не ведал, что творится снаружи, только услышал, как А-Гоу что-то бормочет, и, не понимая, спросил:

— Ты что, не в порядке?

А-Гоу глупо ухмыльнулся, вид у него был одуревший:

— Не, ничего. Я просто... просто смотрю, какой ты красивый, краше всех, кого я видел. Засмотрелся.

Юноша тихо рассмеялся, найдя его простодушие забавным:

— Я красивый? А по-моему, ты красивый. Смуглый, такой крепкий на вид.

Стоять устал, А-Гоу так и сел на землю, напротив щели, и снял верхнюю одежду, обнажив торс, покрытый буграми мышц, и с гордостью сказал:

— Глянь, у меня больше ничего и нет, только мышцы эти.

Юноше стало интересно, он тоже сел на пол, протянул свои яшмовые руки и стал в воздухе очерчивать контуры, с завистью сказав:

— Как же хорошо.

Хотя руки его и не касались тела, А-Гоу почувствовал, будто его действительно очерчивают, лёгкое, едва ощутимое прикосновение, от которого у него защеколало внутри, от груди и до живота, и дальше...

Ой-ой, не удержался он, ругнулся про себя, почувствовал, как пересохло в горле, стало стыдно и неловко.

Юноша, услышав это, снова с любопытством спросил:

— Чего ты так вздрогнул?

А-Гоу подумал, что оба они юноши, и, отбросив стыд, глупо ухмыльнулся:

— У тебя тело такое белое и нежное, да и красивый ты очень, я не сдержался, возбуждился.

— А что такое «возбуждился»?

А-Гоу опешил:

— Ну это... это когда мой младший братец встаёт, только что о тебе... хочу с тобой тем делом заняться.

— А что это за дело?

Вот уж действительно странно. Обоим по пятнадцать-шестнадцать лет, кровь горячая, днём слушали, как взрослые мужчины похабные шутки шутят, а ночью уж точно всякое в голову лезет.

Раньше А-Гоу и не знал о делах мужской любви, но как-то недавно в деревне двое мужчин ночью тайком встретились, и он их подглядел, во всех подробностях это диковинное зрелище увидел.

<http://bllate.org/book/15099/1411729>